

НАУКА И КУЛЬТУРА SCIENCE AND CULTURE

Сибирь гуманитарная. 2026. № 1. С. 85—96.
Siberia Humanitarian. 2026;(1):85—96.

Наука и культура

Научная статья
УДК 791.43(510):327.8
EDN BZEBER

Китайская романтическая дорама как продукт стратегической культурной политики Китая

Татьяна Вячеславовна Савина^{1✉}, Карина Игоревна Илларионова²

^{1, 2} Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация

¹ savina-tav@ranepa.ru ✉

² illarionova-ki@ranepa.ru

Аннотация. Статья посвящена феномену глобальной популярности китайских романтических дорам, которые рассматриваются как инструмент целенаправленной стратегической культурной политики Китая. Авторы показывают, что китайская киноиндустрия не просто заимствует западные форматы, но осуществляет их стратегический захват и перекодировку, создавая гибридный продукт, выполняющий задачу мягкого продвижения национальной идентичности и государственно санкционированных ценностей. Теоретической рамкой исследования является концепция стратегического мышления, восходящая к трактату Сунь-цзы и работам Ф. Жюльена. В отличие от западной линейной стратегии, стратегема предполагает достижение цели через не прямое действие и мимикрию, что позволяет рассматривать драмы как сложные конструкции, где внешняя привлекательность служит оболочкой для ценностного программирования зрителя. На примере пяти ключевых сюжетных тропов романтических дорам (неравный брак, фиктивный брак, ошибка и ответственность, исправление через любовь, вмешательство семьи) авторы демонстрируют, как глобальные нарративные схемы систематически перекодируются в проводники китайской ценностной матрицы — примата семьи, коллективной гармонии, долга перед старшими. Особое внимание уделяется визуально-поведенческой эстетике дорам (целомудренность, сдержанность, культ красоты) как второму, не-

вербальному, уровню стратагемного воздействия, а также регулятивной роли NRTA как цензора, также действующего в рамках стратагемного подхода. В заключение делается вывод о том, что через адаптацию и переосмысление глобальных медиаформатов китайская культурная индустрия выстраивает эффективную модель продвижения традиционных ценностей в современной упаковке.

Ключевые слова: Китай, киноиндустрия, дорама, вестернизация, культурная политика, стратагема, гибридизация

Для цитирования: Савина Т. В., Илларионова К. И. Китайская романтическая дорама как продукт стратагемной культурной политики Китая // Сибирь гуманитарная. 2026. № 1. С. 85—96. EDN BZEBER.

Science and Culture

Original article

Romantic C-Drama as a Product of China's Stratagem Cultural Policy

Tatiana V. Savina^{1✉}, Karina I. Illarionova²

^{1,2} Siberian Institute of Management — branch of RANEPA, Novosibirsk, Russian Federation

¹ savina-tav@ranepa.ru✉

² illarionova-ki@ranepa.ru

Abstract. The article examines the global popularity of Chinese romantic dramas, which are viewed as a tool of China's targeted stratagem cultural policy. The authors demonstrate that the Chinese film industry not only borrows Western formats but strategically appropriates and recodes them, creating a hybrid product that subtly promotes national identity and state-sanctioned values. The theoretical framework for this study is the concept of stratagem thinking, which derives from Sun Tzu's treatise and the works of François Julien. Unlike Western linear strategy, stratagem implies achieving a goal through indirect action and mimicry, enabling to view dramas as complex constructs where external appeal serves as a shell for the viewer's value programming. Using five key plot tropes of romantic dramas (unequal marriage, sham marriage, error and responsibility, correction through love, family intervention), the authors demonstrate how global narrative patterns are systematically recoded into conduits of the Chinese value matrix - the primacy of family, collective harmony, and duty to elders. Particular attention is paid to the visual and behavioral aesthetics of dramas (chastity, restraint, the cult of beauty) as a second, non-verbal level of stratagem influence, as well as the regulatory role of the NRTA as a censor, also operating within the framework of the stratagem approach. The conclusion is that by adapting and reimagining global media formats, the Chinese cultural industry is building an effective model for promoting traditional values in a modern package.

Keywords: China, film industry, drama, Westernization, cultural policy, stratagem, hybridization

For citation: Savina T.V., Illarionova K.I. Romantic C-Drama as a Product of China's Stratagem Cultural Policy. *Siberia Humanitarian*. 2026;(1):85—96. (In Russ.). <https://elibrary.ru/bzeber>.

Введение

В условиях изменения глобального культурного ландшафта феномен массовой популярности китайских телевизионных сериалов-дорам вышел за рамки развлекательного медиапродукта, став предметом пристального внимания политологов, культурологов и медиаисследователей. Кажущийся парадокс — глобальный успех контента, формально следующего вестернизированным жанровым и эстетическим канонам, но наполненного отчетливо китайской ценностной матрицей — указывает на более сложные процессы, нежели простое культурное заимствование. Изучение этого феномена является ключом к пониманию эволюции инструментов «мягкой силы» КНР в XXI в., трансформирующихся от прямого идеологического послания к сложносочиненным стратагемам влияния. Анализ китайских дорам позволяет вскрыть механизмы, с помощью которых современное государство конструирует и продвигает желаемый образ нации как для внешней, так и для внутренней аудитории [1].

Феномен китайских дорам анализируется в нескольких исследовательских парадигмах. Опираясь на идеи Хоми Бхабхи, многие исследователи рассматривают пространство дорам как «третье пространство» [2], где возможны гибридные идентичности и могут происходить культурные трансформации. Философское осмысление феномена трансформации культурного пространства апеллирует к концепции «культурного потока» А. Аппадурай [3], в котором локальное и глобальное постоянно переплетается [4]. Политологические исследования фокусируются на концепции «мягкой силы» Дж. Ная и использовании массовой культуры как инструмента публичной дипломатии Китая [5]. Однако существующие подходы часто ограничиваются либо констатацией факта гибридности, либо оценкой эффективности экспорта, при этом упускают из виду внутреннюю логику и целеполагание, стоящие за производством этого контента. Особенно малоизученным остается вопрос о специфическом китайском стратагемном мышлении как основе культурной политики, где формальная адаптация к западным стандартам является не целью, а тактическим ходом для стратегического результата. Стратагемный подход, уходящий корнями в древнекитайскую традицию (трактат Сунь-цзы «Искусство войны») и развитый в трудах философа Ф. Жюльена [6], основан на принципе достижения цели через не прямое действие, расчет и искусное использование обстоятельств. В отличие от западной линейной стратегии, он предполагает гибкую адаптацию, мимикрию и превращение внешних форм в инструменты скрытого продвижения собственных интересов [7]. Применительно к культурной политике это мышление позволяет рассматривать массовые медиапродукты, такие как дорамы, не просто как развлечение или прямую пропаганду, а как сложные гибридные конструкции, где форма и содержание сознательно подвергнуты дистанцированию для решения идеологических задач. В случае дорам это означает намеренное несовпадение (или даже противопоставление) внешней формы и внутреннего содержания с определенной целью.

Стратагемный принцип дистанцирования формы и содержания наиболее наглядно проявляется в жанре дорам с романтическим

сюжетом, которые действительно являются одним из самых популярных и экспортоориентированных жанров. Выбор этого жанра дорам для анализа обусловлен тем, что романтический жанр является массовым, обладает высокой культурной проницаемостью и строится на универсальных, легко узнаваемых сюжетных формулах (история Золушки, враги-любовники, фиктивный брак), что делает дораму эффективным инструментом ценностного воздействия. Именно в романтических нарративах наиболее отчетливо видно, как заимствованные западные модели отношений несут в себе традиционные для китайской культуры представления о долге, иерархии и социальной ответственности. Нарративный и дискурс-анализ ключевых сюжетных тропов романтических дорам позволяет выявить, как глобальные формулы любовной истории систематически переписываются китайской киноиндустрией: личное счастье героев неизменно увязывается с одобрением семьи, карьерный успех — с пользой для коллектива, а эмоциональный конфликт разрешается через восстановление социальной гармонии [8]. Кроме того, контекстуальный анализ позволяет обозначить регулирующую роль государства (например, учет требований NRTA¹ о «здоровых ценностях» и «правильном взгляде на брак и любовь»), что проявляется в фильтрации и трансформации западных сюжетов.

Таким образом, фокус на романтических дорамах позволяет наглядно продемонстрировать, как работает механизм «двуликой вестернизации»: привлекательная, современная западная оболочка служит для деликатного, но системного продвижения ценностного кода китайской культуры.

«Любит-не любит-плюнет-поцелует»

Романтические дорама предлагают сюжеты, где каждый сюжетный троп является точным инструментом для продвижения конкретного ценностного месседжа. Значимость этих сюжетов заключается в том, что они оперируют глобально узнаваемыми формулами, но задают исключительно китайское смысловое разрешение. Молодую аудиторию (15—35 лет) привлекает гламурный антураж — красивые актеры, модные образы, роскошная жизнь. Это свидетельство современной формы эскапизма, выразившегося в стремлении к получению визуального удовольствия: красивая картинка отражает современный эстетический идеал красоты. Немаловажным является романтический сюжет с четкими моральными уроками, которые дают ощущение некоторой стабильности в нестабильном мире.

Старшее поколение (50—65 лет) ценит традиционные ценности в современной упаковке. Их радует, что при всей своей внешней модерновой оболочке дорама пропагандирует семью, уважение к старшим, социальную гармонию. Это позволяет старшему поколению чувствовать связь с молодежью и одобрять контент, который смотрят их дети [9]. Романтические дорама мастерски балансируют между разными запросами, предлагая каждому возрасту свой уровень восприятия, от развлечения до идеологического одобрения. Та-

¹ Государственное управление радиовещания и телевидения Китая (англ. National Radio and Television Administration (NRTA)) — правительственный орган, занимающийся контролем за СМИ в КНР. Создан в 2018 г.

ким образом, романтическая дорама становится уникальным медиатором: для молодежи это витрина желаемого будущего, а для старшего поколения — подтверждение устойчивости культурных основ в меняющемся мире. Этот баланс и обеспечивает жанру его массовый, межпоколенческий успех.

Важно подчеркнуть, что сюжетные тропы романтических дорам представляют собой не просто набор развлекательных клише, а отлаженные механизмы стратагемной операции. Их детальный анализ позволяет увидеть, как каждый шаблон служит точным инструментом трансформации глобально узнаваемых форм в проводников конкретных идеологических установок.

Сюжет «неравный брак». Этот сюжет достаточно популярен в западном кинематографе, особенно после выхода фильма «Красотка» (Pretty Woman) с Джулией Робертс и Ричардом Гиром, истории любви проститутки и бизнесмена. В западном варианте героиня меняет жизнь героя в поисках личного счастья. В то же время сюжет фильма не затрагивает вопросы того, как к этому союзу отнесется семья главного героя и каково общественное мнение. Подобная история рассказывается в романтической дораме «Ты моя слава» (“You are my Glory”), вышедшей на экраны в 2021 г. Киносуперзвезда влюбляется в своего школьного товарища, ставшего талантливым, но скромно живущим аэрокосмическим инженером. Ее гламурный мир и его научный аскетизм соединяются не через конфликт, а через взаимное уважение и поддержку высших целей, главная из которых — служение стране, когда личный успех оказывается вторичным перед служением общему делу.

Сюжет «Фиктивный / Договорной брак». Дорама «Мистер Совершенство и мисс Ничего особенного» (“Mr. Perfect and Miss Almost”) рассказывает историю о том, как студентка-медик заключает фиктивный брак с ректором своего университета, чтобы выполнить последнюю волю своего дедушки. Сюжет построен на том, как холодный договор между людьми разного статуса медленно наполняется бытовой заботой, взаимным уважением и в конечном счете одобрением семьи, превращаясь в настоящий союз. В западном кинематографе (например, ситком «Как я встретил вашу маму» (“How I Met Your Mother”) подобный сюжет обычно построен на комедии положений или сатире на институт брака и редко приводит к глубокой трансформации в сторону традиционных ценностей.

Сюжет «Ошибка и ответственность». В ремейке тайваньской классики, дораме «Ты — моя судьба» (“Fated to Love You”), описана история, как после случайной связи на круизном лайнере простая девушка беременеет от наследника бизнес-империи. Несмотря на драму, сюжет ведет к тому, что герой берет на себя ответственность и за девушку, и за ребенка, а их вынужденное сосуществование учит его семейным ценностям, которые он прежде игнорировал. Таким образом, ошибка становится путем к обретению истинной семьи. В то же время в западном кинематографе случайная связь чаще всего ведет к драматическому конфликту, как, например, в канадском сериале «Сплетница» (Gossip Girl), и в итоге — к личному кризису или аборту как выбору, а оптимистический финал редко связан с долгом

перед родом. Как правило, случайная интимная связь является поводом для психологического срыва или нечестного манипулирования.

Сюжет «Исправление через любовь». Романтическая дорама «Такая сладкая любовь» (“Love is Sweet”) рассказывает историю о том, как циничный, бескомпромиссный инвестиционный босс встречается свою детскую подругу, теперь его сотрудницу. Ее доброта и принципиальность постепенно «размораживают» его, учат доверию и эмоциональной открытости. Он становится не только лучшим партнером, но и лучшим человеком. В этом тропе без труда узнается классический сюжет Джейн Остен «Гордость и предубеждение», а китайский босс очень сильно напоминает незабвенного мистера Дарси. Однако любовь Элизабет Беннет и мистера Дарси ведет к его личному прозрению и смягчению характера, но не обязательно к принятию консервативных семейных ролей и одобрению общества, ведь леди Кэтрин де Бур так и не приняла женитьбу племянника на девушке из более низкого сословия. А вот союз героев драмы «Такая сладкая любовь» целиком и полностью одобрен старшим поколением.

Сюжет «Вмешательство семьи и победа любви». Герои драмы «Клятва любви» (“I Entrust the Rest of My Life to You”) — талантливая, но импульсивная студентка-музыкант и ее отец, перенесший операцию, — оказываются втянуты в тесное общение с хладнокровным и критичным хирургом. Главным препятствием счастью влюбленных героев становится неодобрение отца героини, считающего врача неподходящей партией. Весь сюжет описывает путь героя к тому, чтобы доказать свою надежность и искренность старшему поколению, без одобрения которого союз невозможен. В отличие от героев, допустим, «Ромео и Джульетты», когда неодобрение семьи привело к трагедии. Финал же этой драмы типично китайский: победа любви невозможна без завоевания одобрения старших. Вообще, во многих драмах в конфликтных ситуациях вдруг появляется бабушка (очень редко — бабушка) и силой своего авторитета ставит точку.

Следует заметить, что эти тропы редко существуют в чистом виде. Часто одна драма комбинирует сразу несколько сюжетов (ошибка + ответственность + вмешательство семьи), что только усиливает стратеминый эффект, многократно подтверждая одну и ту же ценностную матрицу с разных сторон. Западные эквиваленты используют те же сюжетные тропы, но направляют их на утверждение индивидуализма, личного выбора и преодоление социальных барьеров. Китайские же драмы, используя ту же форму, перенаправляют энергию конфликта на восстановление и укрепление традиционной иерархии и коллективных ценностей. В этом и заключается суть стратегии: знакомый сюжет работает на совершенно иной идеологический результат.

«Приторная магия»

Несмотря на вторичность и предсказуемость сюжетов, романтические драмы имеют многомиллионную армию поклонников. Во многом это происходит благодаря особенной визуальной и поведенческой эстетике как основанию стратегического подхода: через эстетику и жесты продвигается идеал гармоничных, контролируемых отношений, соответствующих китайской морали.

Основной сюжет романтических дорам — это физическая страсть между главными героями, которая, однако, передается не через откровенный физический акт, а через взгляды, случайные прикосновения, жесты заботы (поправить одежду, накрыть пледом). Это создает мощное эмоциональное напряжение, основанное на воображении зрителя, и соответствует конфуцианскому идеалу сдержанности и благопристойности. Это не цензура в ущерб качеству, а создание иной, более возвышенной эротики.

Актеры романтических дорам — не просто красивые люди; они тщательно отобраны, их внешность «переделана» с помощью пластической хирургии, чтобы соответствовать строгим стандартам идеальной внешности: белая кожа, большие глаза, чувственные губы, стройность. Их телесная красота лишена грубой сексуальности, она эфемерна, поскольку скрыта. Ни в одном кадре ни одной драмы (и не только романтических, но и любого другого жанра) нельзя увидеть полностью обнаженного мужчину, только по пояс и не дольше, чем на минуту. Что касается женщин, то в кадре обнаженной может быть только шея (низкое декольте) или ноги (короткая юбка). Роды, если героиня беременна, проходят за кадром без особых подробностей в течение двух-трех минут. Костюмы героев безупречны и всегда соответствуют статусу. Даже домашняя одежда выглядит как на картинке из журнала, что пропагандирует эстетику успешного потребления и социального порядка.

Благодаря крупным планам эмоции героев читаются без труда. Камера долго фиксирует каждую слезу, улыбку или взгляд. Это создает эффект полного эмоционального вовлечения и чистоты чувств, лишенных внутреннего цинизма или двусмысленности, характерных для западных персонажей. В силу этого герои редко бывают морально амбивалентны. Их страдания благородны, гнев справедлив, что создает для зрителя ситуацию моральной определенности и психологического комфорта.

Каждый кадр романтической драмы строится как идеальная открытка: чистые, яркие цвета, безупречный грим, медленные движения, долгие взгляды. Дом, квартира, даже офис выглядят как стерильно совершенное пространство. Это мир гиперреальности, где царит порядок и красота, что является визуальной метафорой социальной гармонии.

Эта визуально-поведенческая стратагема создает эффект «сладкой ваты для глаз и души». Зритель погружается в идеальный, эстетизированный мир, где красивые люди испытывают сильные, но правильные чувства и ведут себя благородно. Это не отражение реальности, а предложение соблазнительной утопии, в которой конфуцианские ценности (сдержанность, иерархия, гармония) представлены не как скучные правила, а как неотъемлемая часть прекрасной, успешной и эмоционально насыщенной жизни¹. Таким образом, привлекательность формы делает принятие традиционного содержания не просто безболезненным, но и желанным.

¹ См.: Власти Китая призвали телекомпании обогатить разнообразие телевизионных передач // СИНХУА Новости. RUSSIAN.NEWS.CN. 2024. 3 авг. URL: <https://russian.news.cn/20240803/20b6101c71a441d29b3ec1e820f16628/c.html> (дата обращения: 17.12.2025).

«Маленькая красная книжка»¹

Для западного зрителя становится полной неожиданностью, что в романтических дорамах часто можно увидеть курение, пьянство, кровавый мордобой, насилие, мужчины бьют по лицу женщин, старики ставят молодых людей на колени и наоборот. Многие сюжеты основаны на случайном пьяном сексе, при этом пьяны оба партнера или только партнерша. На фоне лаковой сказочной картинке это выглядит шокирующе, однако в то же время — это ключ к пониманию глубинных культурных кодов и их трансформации в современной китайской дорама.

Так, например, пьяный секс героев — один из самых показательных тропов, который иллюстрирует сложный баланс между цензурой, традиционной моралью и коммерческим желанием показать запретное. Это не про легитимацию брака в юридическом смысле, а про моральную и нарративную легитимацию отношений. Это абсолютно необходимый сюжетный механизм для обхода цензуры и сохранения чистоты героев. Алкогольное опьянение полностью снимает моральную ответственность с главных героев (особенно героини): они не распутные и не легкомысленные. Они — жертвы обстоятельств или предавших их близких. Кроме того, такой поворот сюжета удовлетворяет запрос аудитории на страсть и физическую близость, не нарушая государственных требований о здоровых ценностях и целомудренной любви. Это также отсылает к традиционной идее о том, что добродетельная женщина не может сознательно пойти на добрачную связь. Ей требуется уважительная причина, снимающая с нее вину.

Сочетание сюжетов «ошибка + ответственность + вмешательство семьи» наглядно показывает иерархию легитимации брака:

- случайная физическая связь нелегитимна, позорна, требует исправления;

- фиктивный/вынужденный брак восстанавливает социальные приличия, но не является конечной целью, это буферная зона для развития отношений;

- официальная регистрация в загсе по взаимной и осознанной любви — это единственная полная легитимация и счастливый финал; именно к этому стремятся все фиктивные пары.

Такая гениальная драматургическая стратегия позволяет достичь нескольких целей: показать страсть и близость (коммерческий интерес), оправдать ее с точки зрения морали (требование цензуры и традиционной этики), создать идеальные условия для развития классического романтического сюжета «от ненависти к любви» или «принудительная близость» и привести историю к социально и государственно одобряемому финалу — осознанному законному браку, который символизирует не только любовь, но и ответственность, зрелость и окончательную интеграцию пары в общество. Истинный брак начинается не в кабинете загса, а в тот момент, когда бабушка жениха надевает золотые браслеты на руки невесты, а отец невесты произносит тост перед сотней гостей. Дорама дотошно учит этой

¹ См.: «Маленькая красная книжка» — неофициальное название свидетельства о браке.

иерархии ценностей: закон важен, но благословение семьи и публичное признание — священны.

Границы дозволенного

Сцены курения, алкоголя, случайных связей у протагонистов романтических дорам бьют в самый центр парадокса китайской массовой культуры, но работают в рамках жестких правил.

NRTA стремится контролировать любой моральный месседж и его последствия¹. Цензура часто запрещает не сам факт показа, а его одобрительную или безнаказанную подачу. Например, запрещено показывать курящими несовершеннолетних, запрещена гламуризация курения (стильный герой, затягивающийся с видом победителя). Но курение как атрибут, скажем, переживающего стресс покинутого влюбленного или усталого бизнесмена вполне допустимо. Хотя NRTA прямо потребовало сократить такие сцены, но не исключило их полностью².

Распитие спиртных напитков — распространенный социальный ритуал, но цензура следит, чтобы не пропагандировалось пьянство как норма. Часто сцена застолья служит для раскрытия отношений (босс и подчиненный, друзья). При этом производители спиртного не могут быть спонсорами кинопродукта или надеяться на product placement, но сам факт употребления спиртного не табу.

Откровенные сцены, намеки на случайные связи, ЛГБТ*-отношения строго цензурятся. Однако сцены пьяного секса могут быть допустимы как сюжетный двигатель, ведущий героя к исправлению. В этом проявляется дидактическая функция дорамы. Так называемые грехи современности используются как отправная точка для морального роста персонажа в рамках китайской ценностной системы.

Конфуцианский нарратив самосовершенствования. Герой может начинать путь как испорченный «продукт» современного общества (циничный, пьющий, легкомысленный в связях), и весь сериал описывает его путь к восстановлению гармонии через осознание ответственности перед семьей, предками, обществом.

Семья как искупительная сила. Часто именно вмешательство семьи (родители, необходимость заботиться о ребенке, случайно зачатом в той самой пьяной связи) становится катализатором исправления. Это продвигает идею, что даже заблудший индивидуалист находит смысл и моральную опору только в семейных узах.

Коллектив против индивидуалистического разложения. Персонаж, злоупотребляющий алкоголем или ведущий распутную жизнь, часто показан как несчастный, одинокий, даже если внешне успешен. Его истинное счастье приходит через интеграцию в здоровый коллектив

¹ См., например: China, National Radio and Television Administration introduces new regulations for cable TV services // GLOBAL TIMES. 2023. 29 нояб. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202311/1302689.shtml> (дата обращения: 17.12.2025).

² Глава отдела телевизионных драм Государственного управления радио и телевидения ответил на вопросы журналистов о «14-м пятилетнем плане развития китайского телевизионного драматического искусства» // National Radio and Television Administration [Национальное управление радио и телевидения]. 2022. 10 февр. URL: https://www.nrta.gov.cn/art/2022/2/10/art_3730_59523.html (дата обращения: 22.12.2025).

* Деятельность международного общественного движения ЛГБТ объявлена экстремистской и запрещена на территории России.

(рабочая команда, дружеская компания с правильными ценностями, семья).

Таким образом, показ грехов и пороков — это не нарушение цензуры, а ее стратагемное проявление. Цензура работает не на уровне запрета картинки, а на уровне контроля над моральным посылом. Показ плохого допустим и даже нужен, чтобы в финале триумф хорошего (китайского, традиционного, гармоничного) выглядел убедительнее и эмоционально весомее для современного зрителя. Такая стратагемная политика выполняет три функции:

— дидактическую — в романтических дорамах визуализируются чуждые модели поведения как тупиковые или проблемные, подводя зрителя к правильному выводу о необходимости семейных и коллективных ценностей;

— коммерческую — повышается реалистичность и взрослость контента для привлечения платежеспособной аудитории стриминговых платформ;

— идеологическая — демонстрируется способность китайской культурной системы переваривать и нейтрализовывать элементы западного социального поведения, превращая их в объект критики и точку роста для персонажа в рамках национальной моральной парадигмы.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что феномен глобальной популярности китайских романтических дорам не является ни стихийным прорывом национального кинематографа, ни простым копированием западных образцов. Перед нами сложносочиненный, многоуровневый механизм, в котором коммерческие, эстетические и идеологические задачи сплетены в тугой узел стратагемной культурной политики. Заимствуя внешние формы глобальной массовой культуры, жанровые клише, визуальный глянец, универсальные сюжетные схемы, китайская киноиндустрия последовательно перекодирует их, наполняя ценностным содержанием, ориентированным на традиционные для Китая представления о долге, семье, иерархии и коллективной ответственности.

Пять проанализированных сюжетных тропов романтических дорам демонстрируют удивительное единообразие «лекарства», которое предлагается зрителю под сладкой оболочкой развлечения. Будь то неравный брак, фиктивный союз или ошибка, ведущая к беременности, финальное разрешение конфликта неизменно возвращает героев в лоно семьи, восстанавливает иерархию и утверждает приоритет коллективного над личным. Визуально-поведенческая эстетика дорам — целомудренность, сдержанность, культ красивой заботы — работает как второй, невербальный, уровень воздействия, делающий традиционные ценности не назидательными, а эстетически привлекательными.

Ключевую роль в этом процессе играет государство в лице NRTA, которое выступает не просто цензором, но архитектором границ дозволенного, задающим русло, в котором творческая и коммерческая энергия может безопасно и продуктивно развиваться. Три функции, реализуемые через демонстрацию пороков, работают как

единый стратагемный комплекс. Дидактическая функция — визуализация чуждых моделей поведения как тупиковых, подведение зрителя к правильному выбору. Коммерческая функция — обеспечение конкурентоспособности продукта путем привлечения аудитории взрослыми темами, но лишенными разрушительного потенциала. Идеологическая функция — демонстрация силы самой системы: ее способности переварить, нейтрализовать и превратить в точку роста любые элементы чужого культурного влияния. В итоге феномен китайской драмы знаменует собой важный сдвиг в логике культурного влияния. На смену прямой пропаганде и открытому противостоянию нарративов приходит более тонкая стратегия, где ценности не декларируются, а встраиваются в структуру желания зрителя. Миллионы людей по всему миру, погружаясь в мир красивых историй, незаметно для себя начинают видеть в китайской семейной и социальной модели нечто притягательное, заслуживающее понимания и уважения. И в этом состоит эффективность стратагемы, сумевшей превратить развлечение в самый действенный инструмент культурной политики страны.

Список источников

1. Якушенков С. Н. Сшей ты мне, матушка, красное ханьфу // *Corpus Mundi*. 2020. 1 (4). С. 102—107.
2. *Communicating in the Third Space* / ed. by K. Ika and G. Wagner. London ; N. Y. : Routledge, 2008. 218 p.
3. Сигачев И. Д. Теория воображаемых ландшафтов А. Аппадурай в контексте анализа проблемы общего формирования и становления дискурса глобализации // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2025. № 8. С. 41—54.
4. Тарасова А. В. Понять, прочувствовать и присвоить: южнокорейский сериал «Лунные влюбленные — Алые сердца: Корё» в обсуждениях русскоязычных зрителей // *Наука телевидения*. 2018. № 14.4. С. 124—145.
5. Сун Ц., Си Л. Продвижение китайских сериалов в России: ключевые факторы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика*. 2025. Т. 30, № 2. С. 390—403.
6. Жюльен Ф. Трактат об эффективности / пер. с фр. Б. Крушняка ; науч. ред. Н. Трубникова. М. : Моск. филос. фонд ; СПб. : Унив. кн., 1999. 235 с.
7. Мясников В. С., Завьялова Т. Г. Зарождение основ стратагемного мышления в Китае // *Вестник НГУ. Сер.: История, филология*. 2012. Т. 11, вып. 10: Востоковедение. С. 130—141.
8. Никонова С. Б. Фэнтези на метауровне. Очерк метафизики бессмертия (по мотивам телесериала «Далекие странники» (Китай, 2021) // *Terra Aestheticae*. 2021. № 1 (7). С. 128—151.
9. Чжоу Лися. Место китайских драм в российском социокультурном пространстве // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. № 4. С. 91—108.

References

1. Yakushenkov S.N. Sew me, mom, red hanfu, *Corpus Mundi*, 2020, 1 (4), pp. 102-107.
2. Ika K., Wagner G. (eds.) *Communicating in the Third Space*. London, New York, Routledge, 2008, 218 p.
3. Sigachev I.D. A. Appadurai's theory of imaginary landscapes in the context of the analysis of the problem of the general formation and development of the discourse of globalization, *Society: sociology, psychology, pedagogy*, 2025, no. 8, pp. 41-54.

4. Tarasova A.V. Understand, Feel, and Appropriate: South Korean TV Series “Moon Lovers - Scarlet Heart: Ryeo” in Discussions Among Russian-Speaking Viewers, *The Science of Television*, 2018, no. 14.4, pp. 124-145.
5. Sun Ts., Si L. Promoting Chinese TV series in Russia: Key factors, *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Studies. Journalism*, 2025, vol. 30, no. 2, pp. 390-403.
6. Zhyulen F. A Treatise on Efficiency. Moscow, Mosk. filos. Fond, Saint Petersburg, Univ. kn., 1999, 235 p. (in Russ.)
7. Myasnikov V.S., Zavyalova T.G. The emergence of the foundations of stratagem thinking in China, *Bulletin of NSU. Ser.: History, philology*, 2012, vol. 11, iss. 10: *Oriental Studies*, pp. 130-141.
8. Nikonova S.B. Meta-Level Fantasy: An Essay on the Metaphysics of Immortality (based on the TV series “Far Wanderers” (China, 2021), *Terra Aestheticae*, 2021, no. 1 (7), pp. 128-151.
9. Chzhou Lisyа. The place of Chinese dramas in the Russian sociocultural space, *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2021, no. 4, pp. 91-108.

Информация об авторах

Савина Татьяна Вячеславовна — кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков и лингводидактики, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: savina-tav@ranepa.ru
Илларионова Карина Игоревна — студент, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: illarionova-ki@ranepa.ru

Information about the authors

Tatyana V. Savina — Candidate of Sciences (Philology), Head of the Department of Foreign Languages and Linguistics, Siberian Institute of Management — branch of RANEPА, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: savina-tav@ranepa.ru
Karina I. Illarionova — Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPА, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: illarionova-ki@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 22.12.2025; одобрена после рецензирования 26.01.2026; принята к публикации 28.01.2026.

The article was submitted 22.12.2025; approved after reviewing 26.01.2026; accepted for publication 28.01.2026.